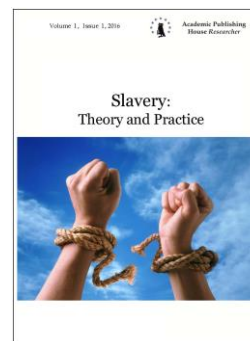

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 4-19

DOI: 10.13187/slave.2019.1.4

www.ejournal43.com

Articles and Statements

Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs

Elena I. Inozemtseva ^{a, *}

^a Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan, Federal research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The author of the article attempts to review the existence of slavery in the late medieval period through the prism of the customary law and fundamental monotheistic religions, to cover forms of disempowerment, moral abuse and material deprivation, which characterize the socio-legal status of one of the categories of dependent population in the feudal Dagestan and adjacent domains of the Northeast Caucasus, carrying the social content of the notion “slave”.

Keywords: Northeast Caucasus, Dagestan, customary law – adat, Quran, Islam, Sharia law, slave, kul, yasyr, lai.

1. Введение

Рабство – форма угнетения и эксплуатации себе подобных – наблюдается практически во всех эпохах истории человечества. Это социальное явление к, сожалению, не изжито и в современном мире.

В средние века сложилось идеологическое оправдание рабства, прежде всего в мировых религиях. Буддизм объяснял рабское положение человека его кармой, Христианство – наказанием за грехи, Ислам рассматривал рабство как проявление воли Аллаха, который может вознести или уничтожить человека. В Иудаизме рабство рассматривалось как проявление воли Божьей: верующий иудей до сих пор в своей молитве благодарит Бога за то, что тот не создал его рабом. Все мировые религии в отдельных случаях допускали осуждение рабства, но это не меняло сути дела – в глазах адептов всех мировых религий рабское состояние было проявлением воли Божьей.

Само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Юридически рабы представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Что же касается рабов на Северо-Восточном Кавказе в средневековье, то их жизнь, в частности в феодальном Дагестане, протекала в сфере правового регулирования и их правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен еще и обычным правом – адатом.

* Corresponding author

E-mail addresses: ljuma78@mail.ru (E.I. Inozemtseva)

С другой стороны, институт рабства в регионе следует рассматривать через призму мусульманской системы права. Все источники, в частности дагестанского происхождения, сообщающие о рабстве, свидетельствуют о строгой регламентации этого института нормами шариата.

2. Материалы и методы

2.1. В предложенной автором статье в качестве материалов послужили работы авторитетных отечественных кавказоведов, а также зарубежных историков и ученых, как С.М. Броневский, Н. Дубровин, Дж. Белл, Дж. Ингрэм, И.Я. Фроянов, Р.М. Магомедов, Х.-М. Хашаев, С.Ш. Гаджиева, Т.Х. Кумыков, Ф.В. Тотоев, А.Р. Шихсаидов, Х.Х. Рамазанов, М.А. Агларов, Б.Г. Алиев, А.И. Хасбулатов, Ш.Б. Ахмадов и др.

В качестве основного источника использовались опубликованные письменные памятники обычного права кавказских горцев, в частности народов Дагестана, а также архивные материалы из ЦГА Республики Дагестан в том числе и выявленные непосредственно автором.

2.2. В работе применялись общенаучные и традиционные методы исторического анализа: историко-сравнительный и историко-ситуационный. Первый помог сопоставить положение различных групп зависимого населения Северо-Восточного Кавказа, показав общее и особенное в их социально-правовом статусе в процессе трансформации форм зависимости в средневековом горском обществе. Второй позволил, проводя аналогии с положением зависимых категорий населения, в частности в средневековом Русском государстве и на Ближнем Востоке, углубить анализ их правоспособности через призму обычного права и религиозных воззрений.

3. Обсуждение и результаты

В силу существования многочисленных исторических, региональных, национальных и конфессиональных особенностей социальная стратификация феодального общества Северо-Восточного Кавказа являла собой весьма пеструю картину, а социальные отношения отличались большой сложностью и разнообразием.

Проблема рабства в феодальных владениях региона, Дагестана в частности, рассматривалась в трудах северокавказских и дагестанских ученых в связи с разработкой общих вопросов социально-экономической и политической истории региона. По данному вопросу имеются отдельные статьи и разделы в монографиях, посвященных истории различных регионов и этносов Северо-Восточного Кавказа, хронологически относящихся к средневековой эпохе.

Ряд дагестановедов, в частности, считает рабство, во всяком случае в районах каспийского побережья и Восточного Дагестана, «самостоятельным укладом». Так Х.Х. Рамазанов, делая ряд экскурсов в историю рабства, приходит к выводу о том, что оно в Дагестане являлось одним из социально-экономических укладов, было «патриархальным», «домашним» (Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова). А.Р. Шихсаидов рассматривает рабство как одну из особенностей развития феодальных отношений в Дагестане, полагая, что оно было «домашним» и служило средством обогащения феодализирующейся знати (Шихалиев, 1993: 156-158).

Наличие рабов на Северо-Восточном Кавказе вплоть до середины XIX в. фиксируется фактическим материалом, архивными документами, опубликованными в различных дореволюционных изданиях, таких как АКАК, ПСЗРИ, «Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу» и др., а также в публикациях документов, осуществленных советскими историками (Османов, 1960: 151-154).

О бесспорности факта существования в регионе института рабства свидетельствует и наличие в языках всех местных народов социального термина, несущего содержание понятия «раб», это: лагъ, лай, къул, къараваш, унаут, а также ясырь (Inozemtseva, 2017). Однако, хотя эта категория населения и именовалась рабами, по своему общественному положению очень отличалась от рабов в обычном классическом понимании этого слова. В отечественной историографии эта форма рабства получила название «патриархальное».

Как известно, патриархальное рабство в определенных условиях переросло в рабовладельческую формацию. В Дагестане в частности, как и повсеместно на Северо-Восточном Кавказе, этого не произошло, так как в недрах горского общества не было для этого необходимых условий. Эксплуатация их труда могла найти в горах крайне ограниченное применение, преимущественно в обиходе феодалов. В Дагестане рабов имели не только ханы, шамхалы, беки, но и салауздени (первостепенные уздени. – Авт.), просто уздени. Владельцами рабов были как целые общества, так и представители джамаатской знати (Мансуров, 1995: 154).

Само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Юридически рабы представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Само состояние неволи лишало раба значения юридического лица, приравнивая его к вещи, к скоту. Что же касается рабов в феодальном Дагестане, то их жизнь протекала в сфере правового регулирования их правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен обычным правом – адатом.

Бесправное и приниженное положение рабов нашло красноречивое отражение в адатно-правовых нормах. «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас единственным источником для характеристики социальных отношений у этих [северокавказских] народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для народов XVIII – начала XIX вв.», – замечал известный советский этнограф В.Г. Гарданов (Гарданов, 1960: 19).

Работа по сбору, систематизации и публикации адатов народов Дагестана началась со второй половины XIX в. Первой работой, вышедшей в 1868 г., была статья А.В. Комарова (Комаров, 1868: 1-79), в которой объединены и систематизированы адаты различных народов Дагестана. В приложении к статье дана запись одного из ценнейших документов XVII в. «Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-Хана».

В 1873 г. были изданы адаты даргинских обществ (Адаты даргинских обществ, 1873), а в 1875 г. – адаты южнодагестанских обществ (Адаты южнодагестанских обществ, 1875). В 1882–1883 гг. Ф.И. Леонтович издал «Адаты Кавказских горцев» (Леонтович, 1882–1883), в предисловии к первому выпуску этого издания говорится об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев. В 1899 г. были опубликованы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» (Адаты Дагестанской области..., 1899), куда вошли еще и адаты Андийского, Гунибского и Казикумухского округов.

Отечественными кавказоведами в советский период была проделана огромная работа по сбору и изданию адатов дагестанских народов. Особенно плодотворно кропотливая работа по выявлению и публикации адатно-правовых норм народов Дагестана, на анализе которых в основном базируются вопросы социально-правового положения рабов в Дагестане, была продолжена Х.-М.О. Хашаевым (Памятники обычного права..., 1965). Так, в сборнике «Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.» помещен наиболее полный свод адатов союзов аварцев и андо-цезской группы, а также адаты Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, «Кодекс законов Уму-хана Аварского (Справедливого)». В адатах содержатся важные сведения, в них зафиксирована социальная стратификация общества, отражены взаимоотношения между разными сословиями, их земельные отношения, права и обязанности различных категорий крестьянства, в том числе и лично зависимых.

По мнению большинства историков, социально-правовое положение рабов в Дагестане были исключительно тяжелым. Раб для владельца был своего рода материальной ценностью, живым товаром, говорящим инструментом. Труд раба не регламентировался. Раб должен был выполнять все требования хозяина за скудное пропитание и одежду, необходимые для его существования (Османов, 1960: 151-154).

Рабы, согласно адатам горцев, были лишены каких-либо политических прав, не допускались к разбирательству дел в качестве свидетелей или к участию в сходах джамаата. К присяге согласно «Кодексу» Уму-хана Аварского лаг не допускался, т.е. здесь проявилось юридическое обезличивание раба. Лаги по адату рассматривались юридически недееспособными: на основе свидетельства лага суд не принимал никаких серьезных решений, так как это свидетельство не могло быть подтверждено клятвой (Агларов, 1988: 141). Для сравнения: согласно Русской Правде холоп не являлся субъектом права. На Руси

вплоть до XVII века он не мог быть «послухом», т.е. не мог быть свидетелем на суде. Холоп, выражаясь юридическим языком, был имуществом, вещью; ответствовать за причиненный холопом вред нес хозяин. Каких либо юридических последствий за убийство собственного холопа не было; а убийство чужого холопа квалифицировалось как причинение имущественного вреда (Мамадалиев, Дегтярев, 2017: 11). По сообщениям архивных документов рабы и рабыни в Дагестане считались «принадлежностью владельцев своих как всякое домашнее животное», с которым хозяин вправе поступить как он хочет (Центральный государственный архив Республики Дагестан, Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. л. 141).

Адаты шамальства Тарковского и ханства Мехтулинского гласят, что за убийство свободного рабом родственники помещика обязаны уплатить наследникам убитого пеню, а сам владелец убийцы удаляется из селения под именем кровного врага (канлы. – Авт.) и считается таковым до тех пор, пока наследники убитого простят его, если же кто-либо из последних убьет его, кровь считается возмездием за кровь убитого их родственника. Что же касается до самого убийцы, то он не подвергается никаким наказаниям ни со стороны наследников убитого, ни со стороны общества и спокойно живет в доме своего хозяина (Османов, 1960: 192).

По даргинским адатам, если владелец убийцы не согласится быть канлы родственников убитого, то должен освободить кула и тогда кул, сделавшись свободным, признается сам канлы (Адаты даргинских обществ, 1873: 15-16).

Согласно адатам Кайтага, «за убийство беком кула убийца не наказывался, ибо за собственность свою бек никому ответствовать не мог» (Памятники обычного права Дагестана..., 1965: 151). Т.е. в делах кровомщения раб не являлся субъектом права – за поступки раба отвечал не сам раб, а его хозяин. Даже при воровстве рабом чего-либо обвинялся не он, а его подстрекатель (Памятники обычного права Дагестана..., 1965: 27).

Невозможно не заметить «зеркального» совпадения этой статьи адата с положением русских холопов, которые не могли быть субъектами правонарушения. «Ответственность за вред и убытки, причинение правонарушением холопа, падает на его господина, и притом ...в двойном размере» (Энциклопедический словарь..., 1903; Мамадалиев, Дегтярев, 2017: 11).

Сравним вышеприведенное нами положение адата сел. Ингердах, по которому, «если раб убьет свободного и если этот живет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин, все имение его разоряется, поля остаются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 26-27), с другим положением, которое формулирует требование общества наказания за убийство свободного свободным: «За те же деяния все имение его (убийцы. – Авт.) разоряется, поля оставляются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли до тех пор, пока родственники убитого простят убийцу или убьют его. Если убийца живет еще в доме родителей, то делается то же самое с имением, без малейшего исключения, если же убийца живет отдельно от родителей, то имение их не подвергается никакому вреду» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 26). В данном случае не наблюдается разницы в применении наказания в отношении узденя и раба. Кроме того, что за преступление, совершенное рабом, ответственность несет его хозяин, а сам раб остается без наказания.

В другом случае, если раб-убийца живет отдельно от своего господина и если не убежит, то господин платит родственникам убитого только пеню за убийство, имение же его не подвергается вреду, если раб и убежит, то же самое платит господин (Из истории права народов Дагестана, 1968: 27). Как сказано в Кодексе законов аварского Умму-хана, если «уздень убьет раба, то с него взыскивается дият в пользу владельца раба» (Памятники обычного права Дагестана..., 1965: 268).

В этой статье, по мнению профессора М.А. Агларова, отразилось не только юридическое обезличивание, но и отсутствие прав лага на имущество и, возможно, на семью. Между тем, – замечает М.А. Агларов, – несмотря на закон, не все уздени прощали убийство их лага. Ущерб считался не только материальным, но и моральным (Агларов, 1988: 141-142).

Рабы не имели никакой собственности, за ними не признавалось никаких имущественных прав, у них не было собственного жилища, они не имели права жениться, т.е. лишались личных прав. Это утверждение, кочующее в дагестанской историографии из

одной работы в другую, как увидим ниже, не всегда соответствовало действительности. На различных этапах истории положение рабов в Дагестане подвергалось различной трансформации и, в зависимости от географии бытования института рабства в регионе, имело различные специфические черты.

Рабское состояние было наследственным. Потомок раба мог стать только рабом. Даже брак со свободным не мог спасти детей невольницы от рабства. Этого преимущества были удостоены лишь дети, прижитые с представителями высшего сословия. Хозяева заботились о воспроизводстве рабов так же, как заботились о размножении скота. Впрочем, приравнивание положения рабов, в особенности рабынь, к положению скота – характерная черта рабовладения и его оформления в праве не только в странах средневекового Востока. В Киевской Руси ребенок от рабыни приравнивался к приплоду от скота: челядь лишь тем только и отличалась от скота, что могла говорить (Фроянов, 1965: 91). Почти во всех спорных случаях «приплод» считался собственностью хозяина рабыни. Дети от смешанных браков чаще всего также рассматривались как «приплод».

Для сравнения: на Ближнем Востоке дети от брака раба со свободной рассматривались как рабы. А женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого раба (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 91).

А.С. Акбиев пишет, что, согласно документам, рабы и рабыни (кулы и каравашки) – это дворовые люди, невольники, не имеющие никаких прав в отношении к своим владельцам (Акбиев, 1998: 115). Владелец их одевал и кормил или отдавал в их распоряжение на каждое хозяйство по паре быков с арбою, позволяя им по окончании господских работ промышлять на себя, в таком случае господин не одевал, а только кормил. Кумыкские кулы не были «обременены излишними работами, как можно было это предположить, но вместе со своими господами составляли одно семейство, работают для них как на себя. За это владельцы обращаются с ними довольно ласково, извиняют их недостатки и редко прибегают к строгим наказаниям», – писал в газете «Кавказ» автор под псевдонимом «Кумык» (Шихалиев, 1993: 66).

То же самое отмечал и Н. Дубровин. По его сведениям относительно кулов, их положение у кумыков было менее тягостно, чем холопов у русских, что легко объясняется «характером и нравом народа». Он свидетельствовал, что в кумыке не было нестерпимого презрения к себе подобному и поэтому владелец «не отчуждал своего раба от человечества вообще, обходился с ним ласково и снисходительно. Телесные наказания были редки и не жестоки, а смертной казни никто и не помнит» (Дубровин, 1871: 623).

Бесспорно, что институт рабства на Северо-Восточном Кавказе следует рассматривать и через призму мусульманской системы права. Ведь, как известно, положения мусульманского права о рабах, сложившиеся еще в раннем халифате, пережили Средневековье, не претерпев особых изменений, лишь обрастая комментариями. Все источники, в частности дагестанского происхождения, говорящие о рабстве, свидетельствуют о строгой регламентации этого института нормами шариата (Иноземцева, 2014: 17).

Право средневековых стран Востока, несомненно, видело в рабе человеческое существо, не наделяло его хозяина правом уничтожения своей собственности по своему волеизъявлению и в своем интересе. Мусульманское право не только не признавало за хозяином права на жизнь раба, но и предусматривало обязанность хозяина не изнурять раба непосильной работой и хорошо кормить. «На обязанности хозяина лежит содержание его раба или рабыни, а если он отказывается, и у них есть возможность добывать пропитание, то должны зарабатывать и содержать себя сами, а если нет у них возможности добывать пропитание, то хозяина следует принудить продать их» (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 438-439). «Не мучайте тварей Аллаха, – писал Абу Хамид Мухаммад ал-Газали, – потому, что Аллах дал их вам в собственность, а если бы захотел, то отдал бы вас в их собственность» (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 439).

Везде на Ближнем Востоке рабы имели семьи и имущество. Так, рабы в Сирии могли владеть определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни общества; рабы могли получать свободное время для работы на себя.

Религия ислама, стараясь смягчить суровость рабства, настоятельно внушала своим последователям, относиться к рабам кротко и снисходительно. Согласно мусульманской

религия, отпустить на волю раба – богоугодное дело, акт благочестия. По словам Пророка, свидетельствует автор «Истории рабства...» ссылаясь на суры Корана, – «правовверный, отпускающий на волю своего ближнего, освобождает и самого себя от забот человеческих и мучений огня вечного» (Цит.: Ингрэм, 2011: 240). Поэтому многие мусульмане, вняв призывам Корана, освобождали своих рабов после нескольких лет их рабства и, особенно, если последние принимали Ислам. «Если кто из твоих рабов, – говорит Коран, – пожелает быть отпущенным на волю, исполни его желание, если считаешь его достойным, удели ему от сокровищ, которыми он наделил тебя...» (Цит.: Ингрэм, 2011: 240).

На мусульманском Востоке, свидетельствует Дж. Ингрэм, раб не считался существом низшего разряда, рабское происхождение или рабство в прошлом не мешали ему достигнуть освобождения высших общественных ступеней (Ингрэм, 2011: 240). Мусульманское право признавало только два принципиальных различия между людьми: мусульмане и немусульмане, а внутри этих групп – свободные и рабы. Забота же о рабах приравнивалась к заботе о других подопечных. «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику и соседу-чужаку. и близкому другу, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши», – призывает Коран (Цит.: Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 426).

Считаем необходимым здесь провести некоторые аналогии. Что касается Православия, то «...в своих заботах о спасении паствы церковь не могла не признавать в челяди образа и подобия Божия, ибо рабы такие же люди, только господам в услужение данные Богом. В целом ряде посланий рабовладельцы увещеваются обращаться с челядью милостиво, кормить и обувать ее и наставлять, как своих детей или домашних сирот...», – свидетельствуют Ф.А. Брокгауз и И.А. Евфрон (Энциклопедический словарь..., 1903: 533). Другое дело как к этим увещеваниям относились владельцы холопов. Как предполагают авторы энциклопедии, они «едва ли часто трогали рабовладельческую совесть». «...Успешнее сказывалось влияние церкви в вопросах об отпущении холопов на волю. Воздействуя на своих сынов во время исповеди, особенно перед смертью, духовенство имело возможность во многих случаях настоять на освобождении хотя нескольких людей из состава челяди каждого рабовладельца «на упокой души» (Энциклопедический словарь..., 1903: 534).

Примерно так же обстояло дело и в Дагестане. По данным Ш.М. Мансурова, в условиях Салатавского союза сельских общин военнопленный в положении раба. т.е. бесправного члена общества, которого можно свободно отчуждать как собственность, находился временно. Владельцы обычно отпускали рабов, когда наступала пора обзаведения семьей, за определенный выкуп или безвозмездно (Мансуров, 1995: 94). «...Рабы на Востоке практически везде имели семьи. (Одним из проявлений богоугодной заботы о рабах считалось содействие их браку). Общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих рабов – мужа и жену, или родителей и детей. Во всяком случае, в действующих законодательных актах во многих странах средневекового Востока не было нормы, которая бы четко провозглашала право хозяина продать членов семьи своего раба поодиночке по своему усмотрению» (Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 50). Обратив в мусульманскую веру купленного или захваченного иноверца, дав ему свободу, свидетельствуют адаты салатавцев, по шариату считалось действием, равноценным посещению Мекки. Рабов также освобождали за совершенные подвиги или за полезные для общества дела (Мансуров, 1995: 94).

Р.М. Магомедов приводит письмо кадия и ученых джамаата Маалал «большим людям» и кадию сел. Чиркей, в котором утверждается, что, если пленный указывал, что он мусульманин, его должны были освободить без выкупа (Магомедов, 1971: 199). В действительности это далеко не всегда соблюдалось. Так, Ш.М. Мансуров приводит очень интересные данные о том, что если раба без выкупа не отпускали, а он не в состоянии был себя выкупить, то в таких случаях в каждой общественной казне салатавских джамаатов существовал определенный фонд для выкупа рабов (Мансуров, 1995: 95). Освобожденным рабам, если не хозяином, то джамаатом, выделялся небольшой участок земли из некультуренной общинной собственности. Так, в XVIII в. житель сел. Миатлипо имени Омар отпустил своего раба на волю, выделив ему земельный надел (Мансуров, 1995: 95). Известно, что в сел. Буртунай бывшим рабам джамаат выделял участки под строительство дома в отдельном квартале (Бахтанов, 1863).

По наблюдениям Ш.М. Мансурова, до освобождения раб находился в полной инеограниченной власти владельца, и никто не имел права вмешиваться в «хозяев и холопов междоусобные дела», после же освобождения община брала его под свое покровительство. В Чиркее в середине XIX в. до 200 семей считались отпущенными на волю разновременно своими владельцами (Мансуров, 1995: 95). После освобождения рабы формально становились правоспособными лицами, но фактически даже их потомки постоянно подвергались правовой, политической и экономической дискриминации в джамаате. Существовал ряд форм морального унижения и материальной притеснения отпущенных на волю и их потомков.

По обычному праву салатавцев, если переселенец-вольноотпущенник или его предки когда-то были рабами, то таких лиц принимали в общину на очень жестких условиях. О подобном факте свидетельствует предание, в котором говорится о том, что вольноотпущенный Галбац с семьей остановился недалеко от сел. Гертма и долго просил джамаат принять его. В очередную пятницу при рассмотрении этого вопроса было решено принять его в общину с условием, что он и его потомки вечно будут работать общественными пастухами, не претендуя на большее. Галбаца с семьей приняли в джамаат, т.е. община взяла их под свое покровительство, но никто не принял их в свой тухум (Мансуров, 1995: 98).

В союзах сельских общин Дагестана, где имело место рабовладение, рабы не находили должного применения в хозяйстве из-за скудности земельных угодий и в основном либо освобождались за выкуп или даже без выкупа, либо поставлялись на рынок в центрах работорговли. Освобожденные или отпущенные на волю рабы постепенно становились членами сельского общества, образуя со временем рабские тухумы, заселяя целые кварталы и даже отдельные поселки. Поданным М.А. Агларова, освобожденные рабы в Гидатлинском союзе сельских общин, в сел. Гента, назывались нахъателал (букв. стоящие в последних рядах). В сел. Чиркей – лаг тархан (вольноотпущенник), в Телетле – тархъанта-ралал, в других аварских селах – тархъангъарурал, лагътархъан или просто тархъан (Агларов, 1988: 142).

В ряде случаев владельцы могли дать рабам волю и без выкупа, например, в «богоугодных» целях, в честь прихода уважаемого кунака, а также в честь знаменательных событий (рождение долгожданного сына, излечение от продолжительной болезни и т.п.). Рабы, получившие освобождение за выкуп, а также их потомство при фактическом неравенстве формально все же становились членами сельского джамаата (Рамазанов, 1962: 162).

Д.-М. Шихалиев свидетельствовал: «Отпустить холопа на волю, по мнению мусульман, есть благое и богоугодное дело; почему при болезнях или каких-нибудь потерях в семьях господ отпускают их на волю вследствие данного обета, в иногда увольняют их за деньги» (Шихалиев, 1993: 66).

Объективная действительность и практика эксплуатации в средневековье раба рабовладельцем были таковыми, что хозяину часто было выгоднее и удобнее, когда раб имел свое имущество. Но признавать во всех случаях и безоговорочно собственность раба исключительно его собственностью вряд ли возможно. О собственности рабов, видимо, следует говорить, как о разделенной собственности.

Во многих обществах Дагестана труд лагов эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные отселки лагского типа, но без полноты права обладания окрестной территорией на правах собственности. По данным М.А. Агларова в отдельных обществах (Карата и др.) лагов лишали права участия в доле на дальних покосах, откуда следует, что они не рассматривались как совладельцы собственных земель, хотя никто их не лишал права выпаса своего скота на общественных пастбищах (Агларов, 1988: 142).

Полевые исследования дагестанских ученых показали, что в обществах Западного Дагестана военнопленный до определенного времени (в каждом обществе по-разному) жил у хозяина (Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова). Он считался членом семьи. Лаг выполнял различные подсобные работы по указанию хозяина. Д.М. Магомедов полагает, что поскольку лаг считался членом семьи, производство и потребление были совместными, то надо полагать, что он (лаг) фактически выступает как собственник наравне с членами семьи, хотя юридически эти права не были закреплены за ним. Он, как и любой член семьи, был заинтересован в поднятии экономики хозяйства. Зависимость его выражалась в том, что

он выполнял волю своего хозяина. Информаторы сообщают, что лаг считался членом семьи; они совместно трудились и питались, а с течением времени лаг обзаводился семьей. Свадьбу устраивал хозяин. Из пригодной джамаатской земли ему выделяли пахотный участок. Бывали случаи, когда наиболее зажиточные хозяева предоставляли ему скот и даже землю. В основном лагов селили недалеко от основного поселения. Здесь им выделяли землю, они имели право разводить скот и т.д. В результате этого на территории Западного Дагестана возникали новые поселения зависимого сословия. В отдельных сельских обществах лаги жили компактно в одном из кварталов, обычно, на краю аула. В настоящее время во всех почти аулах сохранились названия тухумов зависимого происхождения (Агларов, 1988: 142).

Для иллюстрации приведем уже упоминаемые нами ранее данные лингвиста Т.Г. Таймасхановой, что в прошлом, как правило, в каждом кумыкском селении тухумное деление населения было обязательным. Все названия тухумов имеют аффикс множественного числа, т.е. они передают понятие множества людей, например, «бийлер», т.е. «князья», «кьуллар» – «рабы», т.е. тухум рабов. У южных кумыков их еще называли «асилсизлар», т.е. «неблагородные», в селение Ишкарты их называли «чочгьалар» – «свины», а у северных кумыков – «эшектухум» – тухум ишаков. Т.Г. Таймасханова приводит и такие микроэтнонимы: «Кьуллараул», т.е. «кьуллар» – «рабы» + «аул» – квартал. Ачаул, т.е. «ач» – голодный +аул» – «квартал голодных» – название квартала в сел. Бойнак, «Кьулланигент» буквально «село рабов» – название пахотного участка в сел. Карабудахкент (Таймасханов, 1989).

Но потомки и таких освобожденных рабов не считались равными с остальной частью населения, на них еще долго оставалось «клеймо» происхождения. Слова М.Б. Лобанова-Ростовского, сказанные в отношении рабов кумыкских владений, о том, что «рабское происхождение, пятно, не вдруг изглаживающееся...» (Лобанов-Ростовский, 1856), в полной мере можно отнести к зависимому населению всего Дагестана, о чем сохранился ряд интересных сведений. Н. Дубровин писал, что «в сел. Корода Гунибского округа, каждую пятницу после службы (в мечети – Авт.) чауши обходят всех потомков рабов. Помни, говорят они при этом каждому, что ты производишь не от узденя. Освобожденный раб и его потомство, как бы богаты ни были, не имели права резать более трех баранов в год на все семейство, чтобы в этом не сравниться с кровными узденями» (Дубровин, 1871: 626).

В сел. Чох потомки рабов до четвертого колена включительно обязаны были в год один раз угощать всех узденей, живущих на одной улице с ними, и через каждые десять лет при разделе общественных пашен давать с каждого семейства в пользу общества по одному медному котлу ценой 8–10 руб. Обычно один из этих котлов разбивали на мелкие куски, а остальные продавались и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В сел. Мехельта освобожденные рабы и их потомки раз в год должны были на целую ночь уходить из дома. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе (Дубровин, 1871: 626).

Неравноправие рабов выражалось и в других формах. Даже после освобождения за бывших рабов и их потомков не выдавали замуж девушек из других сословий, они часто не допускались на джамаат, их не выбирали на административные должности, они не имели права находиться на годекане, когда там были уздени. В сел. Мути во время молитвы в мечети потомки вольноотпущенников не имели права стоять впереди узденей, если даже они становились учеными-арабистами. А в Цудахарском обществе даже лошадь владельца лагского происхождения не приравнивалась к лошади свободного узденя. Хотя во время скачек она приходила первой, хозяину ее не давали ничего, в то время как победившая лошадь узденя украшалась дорогими тканями и коврами, а хозяин ее получал от джамаата определенный сенокосный участок из общинных земель (Алиев и др., 1970). В сел. Унчукатль во время праздников рабы должны были обслуживать пирующих узденей (Магомедов, 1979: 139). По полевым исследованиям А.М. Агларова, в Гидатле не допускалась (осуждалась) продажа земли лицам лагского происхождения. Лаги, не являлись полноправными членами общины и в юридическом смысле (См.: Агларов, 1988: 142).

Анализ норм обычного права дагестанских народов показывает различное экономическое и правовое положение рабов в Дагестане. Рабы были подвижной прослойкой дагестанского феодального общества. Их продавали, они могли себя выкупить, их иногда отпускали во имя Аллаха. «На ранних порах появления рабства, – писал Ш.М. Ахмедов, –

они адаптировались в коренной род, племя. А в позднее время они пополняли бесправный, зависимый слой дагестанского общества» (Ахмедов).

Рабы могли жить в доме своего хозяина и могли жить отдельно. Так, в приведенных нами выше нормах аварских адатов значится: «Если раб убьет свободного и если этот живет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин... если же раб-убийца живет отдельно от своего господина, то господин платит родственникам убитого только пеню...» (Из истории права народов Дагестана, 1968: 27). Т.е. здесь мы наблюдаем положение как бы двух типов рабов: раб, лишенный всего, низведенный до положения бесправного члена семьи и раб, имеющий свое подворье, возможно и участок земли, т.е. это – член общины, хотя и в рабской зависимости.

Рабы в Лакии, по данным А.Г. Булатовой, подразделялись на ханские и узденские. «Ханские лаги были доверенными лицами, обязанность которых заключалась... в исполнении полицейских функций, составляя, по всей видимости, ханский аппарат принуждения» (Булатова, 2000: 92).

В более стесненном положении находились лаги, принадлежавшие узденям. В сел. Щара зафиксировано три рабских тухума: Чиргаслагъарт, Мугъалтар и Щангилагъарт. Здесь наряду с лагами из числа пленных, захваченных во время набегов, фигурируют выходцы из аварского селения Щангада. В сел. Убра рабскими считались тухумы, переселившиеся сюда из Кая, Хойми и др. лакских сел (Булатова, 2000: 93).

Рабов в союзах сельских общин было много, о чем свидетельствует образование из бывших рабов целых рабских по происхождению тухумов. Таковыми по опубликованным полевым данным были тухумы в сел. Муги, в Цудахаре, в Акушинском обществе (Алиев и др., 1970: 179-180).

Известный кавказовед Р.М. Магомедов, ссылаясь на исторические источники, утверждал, что число рабов в Дагестане, в частности в XVIII в. было значительным. «Они имелись у шамхала и его приближенных беков, сала-узденей, должностных лиц, просто узденей...». Ученый приводит основанную на архивных данных «ропись» ясырей из Тарки и Дербента, где фигурируют фамилии 16 рабовладельцев (Магомедов, 1957).

Наличие в феодальном прошлом сложной социальной терминологии, отражавшей имущественное и правовое положение тех или иных слоев населения довольно пестрой социальной стратификации дагестанского общества (что подтверждается, в частности, данными словарей дагестанских народов) свидетельствует само за себя. Такое разнообразие терминов, характеризующих освещаемый нами социальный институт рабства не оставляет сомнения в том, что он существовал в феодальном Дагестане, составляя характерное своеобразие социального развития региона, являясь в то же время одной из вариаций базовой модели рабства на Северо-Восточном Кавказе в целом.

Рабство у вайнахов возникло в общих чертах так же, как и у других горских народов Северного Кавказа. Основными источниками рабства у чеченцев и ингушей были те же самые, что и у большинства горских народов, в частности народов Дагестана. Рабство у вайнахов имело и свои особенности.

Ш.Б. Ахмадов со ссылкой на труд Р.Л. Харадзе и А.И. Рабакидзе пишет, что по истечении определенного времени, если ясырь отслужил своему хозяину, то последний мог наделить его землей с выплатой натуральной ренты. Тем самым ясырь приобретал право «поставить свой собственный дом» и обзавестись семьей. Потомство его именовалось «есар бераш», что означает «дети ясырей»; оно всегда было в долгу перед семьей хозяина и вносило подать за пользование землей, отправляя и личные повинности» (Харадзе, Рабакидзе, 1968: 138; Ахмадов, 2002: 197). В этом, по мнению А.И. Хасбулатова, проявлялась одна из особенностей рабства у горских народов. Бывший раб у горских народов был близок по своему положению к крепостному крестьянину, наделенному землей и обязанному отбывать феодальные повинности (Хасбулатов, 2001: 66).

Еще в 60-е гг. XIX в. А.П. Ипполитов в своем исследовании «Этнографические очерки Аргунского округа» писал, что в горной Чечне «раб, если только разумеется он был мусульманин, считался скорее одним из младших членов семейства, нежели бесправным рабом; он служил старшим членам точно также, как служат и теперь дети отцу, младшие братья старшим и т.д.» (Цит.: Хасбулатов, 2001: 67). Ф.И. Леонтович замечал, что «ясырь может быть выкуплен и возвратиться на родину, тогда, как лай, забывший свое

происхождение, без связей с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение лаев в Чечне, утверждал Ф.И. Леонтович, – есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире» (Леонтович, 1882–1883: 81).

Раб (лай) у чеченцев, – пишет А.И. Хасбулатов, – в классическом понимании этого слова не считался членом общества, а являлся собственностью своего господина, который имел над ним неограниченную власть. Лай мог быть продан, наказан, результаты его труда принадлежали его хозяину (владельцу). Как правило, они не имели своих семей. Их можно было продать, подарить, но убийство их запрещалось общественным мнением (Хасбулатов, 2001: 188). Лай не имел своего жилища, ему разрешалось, согласно преданиям, лишь возводить пристройку к дому своего хозяина. Он не имел права жениться, не имел земли, права голоса и т.д. По преданиям лай не должен был носить оружие. Он не имел права покинуть своего хозяина и переселиться к другому хозяину, хотя и случалось, что лай бежал от жестокого обращения своего хозяина к известному и уважаемому в обществе свободному человеку и искал у него защиты. Однако, последний, взявшись защитить бежавшего к нему лая, мог только вести переговоры с хозяином, чтобы смягчить его гнев и добиться обещания не притеснять более лая, но ни в коем случае не удерживать его у себя, рискуя быть обвиненным в воровстве (Хасбулатов, 2001: 66). Этому свидетельство – следующие данные: в том случае, когда родственники не желали или не имели возможности выкупить ясыря, он превращался в лая и оставался в доме своего хозяина в качестве работника, а через некоторое время получал в аренду участок земли и обзаводился своим собственным хозяйством. Такой ясырь теперь уже именовался лаем. Лаем он именовался и после того, как получал право владения на средства производства (Харадзе, Рабакидзе, 1968: 138-139). Несмотря на бесправие и униженное положение в обществе, быть лаем у чеченцев не считалось постыдным, его самого в этом не обвиняли, – свидетельствовал Ф.И. Леонтович (Леонтович, 1882–1883: 81).

Нельзя не согласиться с Ф.И. Леонтовичем, что все адаты кавказских горцев представляют много сходных черт и, тем не менее, каждая сельская община до сих пор строго придерживается своих домашних обычаев и «потому можно сказать, что нигде не развивался так партикуляризм обычного права, как у кавказских горцев» (Леонтович, 1882–1883: 25).

В XVIII в. среди чеченцев и ингушей «сословие лаев» было немногочисленным», – утверждает Ш.Б. Ахмадов. К концу XVIII столетия оно фиксируется лишь в горной Чечне, в частности в Чеберлое (Ахмадов, 2002: 196). Но и здесь к этому времени «традиционное сословное деление общества в имущественном отношении резко не совпадает с классовым; среди бывших лаев встречались богатые, а среди «оьзда нах» (свободные люди – Авт.) – бедные (Ахмадов, 2002: 269-270). Были случаи, когда лай, например, чеберлоевского селения Цикарой жили богаче, чем «оьзда нах» этого селения. Наблюдались и такие случаи, когда лаи селения Цикарой хотели породниться со «свободными людьми» из селения Макажой, то последние, хотя и были беднее цикароевцев, неохотно соглашались породниться с ними из-за их «низкого происхождения» (Ахмадов, 2002: 269-270).

Приведенный выше материал позволяет нам заключить, что социально-правовое положение категории зависимого населения – лай в Чечне не отличалось от положения лагов Дагестана и унаутов Кабарды. Последние также не имели никаких прав – ни имущественных, ни семейных. Владельцы могли продавать их порознь, отделяя детей от матери, братьев от сестер, могли убить.

По заключению кабардинских историков, в условиях средневековой Кабарды рабство являлось патриархально-родовым пережитком и носило форму домашнего рабства, представляя собой один из укладов в социально-экономической жизни кабардинского общества. Унауты и унаутки не имели семейных прав и не могли без согласия владельца вступать в брак, т.е. лишались личных прав. Дети, рожденные от унаутки, тоже считались унаутами и поступали в собственность ее владельца. Унауткам, по свидетельству архивных источников, дозволялось с согласия владельца иметь временного мужа из унаутов, логанаутов (феодално-зависимые крестьяне – Авт.) и даже уорков (служилое сословие, дружинники – Авт.), но дети, рожденные от такой связи, становились обязательно унаутами. Последние служили предметом торговли (См.: Тхамоков, 1961).

На самой низкой ступени сословной лестницы Осетин находились косаги или рабы. Ими являлись преимущественно крестьяне, приобретенные феодалами путем покупки на

территории Осетии или у соседних народов. Косагами или рабами становились также пленные, захваченные во время войны; они или эксплуатировались в хозяйстве феодала, или продавались ими в другие страны. Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от баделята (феодала. – Авт.), имевшего над ними неограниченную власть. Баделят имел право продать своего косага или просто подарить его кому-либо. Косаги находились в личной зависимости от баделята и никаких прав на землю не имели (*История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, 2005: 129*).

В позднефеодальном Дагестане численность рабов, надо полагать, не была такой уж значительной. На наш взгляд тут абсолютно справедлива мысль, высказанная в докторской диссертации Т.В. Гаджиева (*Гаджиев, 2001: 299-300*), что несмотря на преобладающую роль свободных общинников и их труда во всех отраслях хозяйства и ограниченном, как правило, использовании рабов и их труда в сфере домашних услуг, само присутствие рабства в дагестанском обществе оказывало определенное воздействие на социальную психологию и правосознание всех его членов. Скудность земельных площадей, пригодных для сельскохозяйственного использования, неизбежно приводила к тому, что рабов, не проданных за пределы Дагестана или не выкупленных сородичами, приходилось освобождать за выкуп или даже без него. Потомки рабов, получивших таким образом волю, продолжали жить в тех же общинах, где когда-то осели их предки. Через одно-два поколения они ассимилировались в этнической среде своего обитания. Со временем они образовывали тухумы рабов, которые имелись чуть ли ни в каждом селении. И несмотря на формальную личную свободу лиц, принадлежащих к таким тухумам, они и их тухумы продолжали носить рабское клеймо, что в глазах стороннего наблюдателя порой и создавало преувеличенное впечатление о количестве рабов и о их значении в Дагестане. Так, кроме имущественного положения, в брачных делах серьезную роль играла и сословная принадлежность жениха: если его родители или один из его родителей даже в 7–10-ом поколении являлись рабами, то с ним не обручали свою дочь родители из свободных сословий.

Приведем современные данные, ярко иллюстрирующие это обстоятельство. Из монографии З.М. Гаджимурадовой, посвященной особенностям этнического самосознания современных дагестанцев, следует, что: «По исторически сложившимся причинам «лаги» и «козаки», как их называют в народе, – бывшие пленники-рабы (русские, грузины, адыги и т.д.), постепенно ассимилировавшие с местным населением, но в общественном сознании сохранившие свой статус «рабов» или «ишаков» («гъама», авар.). Представители таких родов, пишет она, – уже с подросткового возраста чувствуют свою ущемленность, неполноценность, психологическую нестабильность, так как о них говорят, что «он (она) из «плохого рода».

«Я бы дал снять с себя три слоя кожи, лишь бы снять это клеймо с себя и со своего рода», – с горечью выразил свое напряжение по поводу своей «сословной принадлежности» член такого рода, житель аула Верхнее Инхо Гумбетовского района Республики Дагестан. У членов «низших» родов обычно появляются проблемы при женитьбе, так как они не могут выбрать себе супругу или супруга из более «высших» родов. «Я не смог жениться на девушке, которую люблю до сих пор, так как она из рода высокого, а я из «козаков»! Она для меня недосыгаема. И сейчас я чувствую себя ничтожным, хотя купил машину, дом в Махачкале, заработал кучу денег, открыл фирму. И детей моих ждет та же участь», – свидетельствовал уроженец Гумбетовского района М.М., 30 лет (г. Махачкала, 20 мая, 2000 г.) (*Гаджимагомедова, 2002: 85, 168*).

Житель аула М.М. из «узденского» рода (аул Чиркей Буйнакского р-на, 1991 г.) вступил в отношения с девушкой этого же аула А.П. «лагского происхождения». Представителей этого рода в народе называют «рабами» или «х/ама» (ишаками). Брат девушки, узнав об этом, стал выслеживать М.М. Жители села уговаривали М.М. и его родителей узаконить их отношения, на что мать парня возмущенно ответила: «Не хватало нам еще в доме двуногого ишака», – тем самым открыто оскорбив весь род этой девушки. Брат девушки выследил М.М. и застрелил его, потом добровольно сдался властям. Девушка А.П. тоже бесследно исчезла. Предполагается, что ее убили ее же братья за позор и бесчестие, которое она принесла семье и роду».

После этого аул разделился на две противоборствующие стороны, поджигая и взрывая дома друг друга. Джамааты близлежащих сел вмешались в это безумие, стараясь примирить

стороны. «Окончательное примирение не состоялось, между обоими родами продолжается стойкое противостояние, за которым стоит возможно акт новой кровной мести, который обязанностью ложится на плечи родных братьев и ближайших родственников по отцовской линии (Записано в ауле Чиркей Буйнакского р-на, 25 июня 1995. Инф. Гаджиев Али, 40 лет)» (Гаджимагомедова, 2002: 85, 168).

С другой стороны, существует немало примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия лагов своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине (Агларов, 1988: 143).

4. Заключение

Предпринятая нами попытка осветить некоторые аспекты социально-правового статуса рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа в контексте норм обычного права и религиозных воззрений не претендует на исчерпывающее решение этого достаточно дискуссионного вопроса. Тем не менее, приведенный выше материал позволяет:

- показать ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение этой категории зависимого населения на сословной лестнице народов Северо-Восточного Кавказа в позднее Средневековье;

- осветить процессы трансформации форм зависимости рабов на различных этапах истории и в зависимости от географии бытования института рабства в регионе;

- подметить множество сходных черт и особенностей этого социального явления не только в сопредельных владениях Северо-Восточного Кавказа, но и в средневековом Русском государстве, а также на мусульманском Востоке, констатируя тем самым, что освещаемый институт, составляя характерное своеобразие социального развития региона, в то же время являлся одной из вариаций базовой модели рабства на Кавказе в целом и не только.

Литература

[Адаты Дагестанской области...](#), 1899 – Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления / Под ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис: тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1899. 622 с.

[Адаты даргинских обществ, 1873](#) – Адаты даргинских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах (Далее – ССКГ). Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-128.

[Адаты южнодагестанских обществ, 1875](#) – Адаты южнодагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. III. С. 1-75.

[Агларов, 1988](#) – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 237 с.

[Акбиев, 1998](#) – *Акбиев А.* Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 1998. 339 с.

[Алиев и др., 1970](#) – *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. 236 с.

[Ахмадов, 2002](#) – *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 528 с.

[Ахмедов](#) – *Ахмедов Ш.М.* Рабство в Дагестане // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.

[Бахтанов, 1863](#) – *Бахтанов И.М.* Чирка или аул Чиркей // *Кавказ*. 1863. № 29–30.

[Булатова, 2000](#) – *Булатова А.Г.* Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000. 387 с.

[Гаджиев, 2001](#) – *Гаджиев Т.В.* Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 443 с.

[Гаджимагомедова, 2002](#) – *Гаджимагомедова З.М.* Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного наследования этностереотипов старшего и молодого поколения аварцев и кумыков). Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2002. 158 с.

[Гарданов, 1960](#) – *Гарданов В.Г.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // *Советская этнография*. 1960. № 5. С. 12–29.

[Дубровин, 1871](#) – *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.

[Ингрэм, 2011](#) – *Ингрэм Дж.* История рабства от древнейших до новых времен / Перевод с английского З.Н. Журавской. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 336 с.

[Из истории права народов Дагестана, 1968](#) – *Из истории права народов Дагестана.* Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1968. 238 с.

[Иноземцева, 2014](#) – *Иноземцева Е.И.* Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений // *Исламоведение*. 2014. № 4. С. 43–51.

[История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, 2005](#) – *История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева.* Сб. статей и документов / Выявление, археология, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: «Эль-фа», 2005. 904 с.

[Комаров, 1868](#) – *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. II. С. 1–79.

[Леонтович, 1882–1883](#) – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Ульриха), 1882–1883. Вып. 1–2. 437 с.

[Лобанов-Ростовский, 1856](#) – *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1856. № 37.

[Магомедов, 1971](#) – *Магомедов Р.М.* Исторические этюды. Вып. II. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 2. 269 с.

[Магомедов, 1957](#) – *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.

[Магомедов, 1979](#) – *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана: [Выписки из полевых дневников]. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. 2. 155 с.

[Мансуров, 1995](#) – *Мансуров Ш.М.* Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала: Юпитер, 1995. 250 с.

[Османов, 1960](#) – *Османов Г.Г.* О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // *Ученые записки ИИЯЛ.* (Далее – УЗ ИИЯЛ). Махачкала, 1960. Т. VIII. С. 151–154.

[Памятники обычного права Дагестана..., 1965](#) – *Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / Сост., предисловие и примечания Х.-М. Хашаева.* М.: Наука, 1965. 279 с.

[Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова](#) – Полевой материал 1978 г. Д.М. Магомедова // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1.

[Рамазанов, 1962](#) – *Рамазанов Х.Х.* К вопросу о рабстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1961. Т. IX. С. 155–162.

[Рамазанов, 1962](#) – *Рамазанов Х.Х.* Крестьянская реформа в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1962. Т. X. С. 5–21.

[Рабство в странах Востока в средние века, 1986](#) – *Рабство в странах Востока в средние века.* М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1986. 502 с.

[Саидов, 1964](#) – *Саидов И.М.* Земледелие и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // *Известия ЧИНИИИЯЛ.* Грозный, 1964. Т. 4. Вып. 1. История. С. 163–164.

[Таймасханов, 1989](#) – *Таймасханов Т.Г.* Сословные термины в кумыкской ономастике // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 112–128.

[Тотоев, 1969](#) – *Тотоев Ф.В.* Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.) // *Известия ЧИНИИИЯЛ.* Т. 8. Вып. 1. История. Грозный, 1969.

[Тхамоков, 1961](#) – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. 202 с.

[Фроянов, 1965](#) – *Фроянов И.Я.* О рабстве в Киевской Руси // *Вестник ЛГУ.* Т. 12. Вып. 1. 1965. Т. 12. Вып. 1. С. 83–93.

[Хасбулатов, 2001](#) – *Хасбулатов А.И.* Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. 238 с.

[Харадзе, Рабакидзе, 1968](#) – *Харадзе Р.Л., Рабакидзе А.Н.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии // *Кавказский этнографический сборник*. Тбилиси, 1968. Ч. 2.

[Центральный государственный архив Республики Дагестан](#) – Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а.

[Шихалиев, 1993](#) – *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и коммент. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала: Даг кн. изд-во, 1993. 140 с.

[Шихсаидов, 1975](#) – *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. 173 с.

[Энциклопедический словарь..., 1903](#) – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрона, 1903.

[Inozemtseva, 2017](#) – *Inozemtseva E.I.* To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 31-41. DOI: 10.13187/slave.2017.1.31

[Mamadaliyev, Degtyarev, 2017](#) – *Mamadaliyev A.M., Degtyarev S.I.* Serfdom and Serfdom of Peasants in the Russian State: Comparative Analysis // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 7-17. DOI: 10.13187/slave.2017.1.7

References

[Adaty Dagestanskoj oblasti..., 1899](#) – *Adaty Dagestanskoj oblasti Zakatal'skogo okruga: sudoustrojstvo i sudoproizvodstvo vchastyah Kavkazskogo kraja voenno-narodnogo upravleniya* [Atads of the Dagestan region and Zakatal district: judiciary and legal proceedings in parts of the Caucasus of the people's military government]. Pod red. I.Ya. Sandrygajlo. Tiflis: tip. kanc. glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1899. 622 p. [in Russian]

[Adaty darginских obshchestv, 1873](#) – *Adaty darginских obshchestv* [Adats of the Dargin communities]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Tiflis, 1873. Vyp. VII. Pp. 1-128. [in Russian]

[Adaty yuzhnodagestanskih obshchestv, 1875](#) – *Adaty yuzhnodagestanskih obshchestv* [Adats of the South-Dagestan communities]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Tiflis, 1875. Vyp. III. Pp. 1-75. [in Russian]

[Aglarov, 1988](#) – *Aglarov, M.A.* (1988). *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.* (Issledovanie vzaimootnoshenij form hozyajstva, social'nyh struktur i etnosa). [Rural communities in Nagorny Dagestan in the 17th – early 19th century (The study of the relationship of economic forms, social structures and ethnos)]. M.: Nauka, 237 p. [in Russian]

[Ahmadov, 2002](#) – *Ahmadov, Sh.B.* (2002). *Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX veka.* (Ocherki social'no-ekonomicheskogo razvitiya i obshchestvenno-politicheskogo ustrojstva Chechni i Ingushetii v XVIII – nachale XIX veka). [Chechnya and Ingushetia in the 18th – 19th centuries. (Studies of the socio-economic development and socio-political system of Chechnya and Ingushetia in the 18th – early 19th c.)]. Elista: APP «Dzhangar», 528 p. [in Russian]

[Ahmedov – Ahmedov, Sh.M.](#) *Rabstvo v Dagestane* [Slavery in Dagestan]. *Nauchnyj arhiv IIAE DFIC RAN*. F. 3. Op. 2. D. 287. [in Russian]

[Akbiev, 1998](#) – *Akbiev, A.* (1998). *Obshchestvennyj stroj kumykov v XVII–XVIII vv.* [Social structure of the Kumyks in the 17th – 18th centuries]. *Mahachkala*, 339 p. [in Russian]

[Aliev i dr., 1970](#) – *Aliev, B., Ahmedov, Sh., Umahanov, M.-S.* (1970). *Iz istorii srednevekovogo Dagestana* [From the history of the medieval Dagestan]. *Mahachkala*, 236 p. [in Russian]

[Bahtanov, 1863](#) – *Bahtanov, I.M.* (1863). *Chirka ili aul Chirkej* [Chirka or Aul Chirkei]. *Kavkaz*. 1863. № 29-30. [in Russian]

[Bulatova, 2000](#) – *Bulatova, A.G.* (2000). *Lakcy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX vv.)*. [The Laks. Historical and ethnographic research (19th – early 20th c.)]. *Mahachkala*, 387 p. [in Russian]

[Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central state archive of the Dagestan Republic]. F. 120. Op. 2. D. 71a. [in Russian]

[Dubrovin, 1871](#) – *Dubrovin, N.* (1871). *Istoriyavojny i vladychestva russkih na Kavkaze* [The history of war and domination of Russians in the Caucasus]. SPb., T. 1. Kn. 1. 656 p. [in Russian]

[Enciklopedicheskij slovar'..., 1903](#) – *Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i A.I. Evfrona* [Encyclopedic dictionary by F.A. Brokgaus and A.I. Evfron.]. SPb., 1903. T. 74. 520 p. [in Russian]

[Froyanov, 1965](#) – *Froyanov, I.Ya.* (1965). O rabstve v Kievskoj Rusi [Slavery in the Kiev Rus]. *Vestnik LGU*. T. 12. Vyp. 1. T. 12. Vyp. 1. Pp. 83–93. [in Russian]

[Gadzhiev, 2001](#) – *Gadzhiev, T.V.* (2001). Gosudarstvo, obshchestvoipravo v Dagestane (do vtorojchetverti XIX v.). [State, society and law in Dagestan (until the 2nd quarter of the 19th c.)]. *Dis. ... d-raist. nauk. M.*, 443 p. [in Russian]

[Gadzhimagomedova, 2002](#) – *Gadzhimagomedova, Z.M.* (2002). Etnicheskoe samosoznanie dagestancev na poroge XXI veka (na material sravnitel'nogo nasledovaniya etnostereotipov starshogo imolodogo pokoleniya avarcev I kumykov) [Ethnic identity of the Dagestan peoples on the threshold of the 21st century (based on the material of the comparative succession of the ethnic stereotypes among the elder and younger generations of the Avars and the Kumyks)]. *Mahachkala: Izd-vo «Yupiter»*, 158 p. [in Russian]

[Gardanov, 1960](#) – *Gardanov, V.G.* (1960). Obychnoe parvo kak istochnik dlya izucheniya social'nyh otnosheni jnarodov Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX v. [Customary law as a source for studying the social relations of the peoples of the North Caucasus in the 18th – early 19th centuries]. *Sovetskaya etnografiya*. 1960. № 5. Pp. 12–29. [in Russian]

[Haradze, Rabakidze, 1968](#) – *Haradze, R.L., Rabakidze, A.N.* (1968). Harakter soslovnih otnoshenij v gornoj Ingushetii [The nature of class relations in the highland Ingushetia]. *Kavkazskij etnograficheskij sbornik*. Tbilisi, Ch. 2. [in Russian]

[Hasbulatov, 2001](#) – *Hasbulatov, A.I.* (2001). Ustanovlenie rossijskoj administracii v Chechne (II pol. XIX – nach. XX v.). [Establishment of the Russian administration in Chechnya (2nd half of the 19th – early 20th c.)]. *M.: Rus'*, 238 p. [in Russian]

[Ingrem Dzh., 2011](#) – *Ingrem, Dzh.* (2011). Istoriya rabstva ot drevnejshih do novyh vremen [The history of slavery from the ancient times to present days]. *Perevod s anglijskogo Z.N. Zhuravskoj*. Izd. 2-e. *M.: Knizhnyjdom «Librokom»*, 336 p. [in Russian]

[Inozemceva, 2014](#) – *Inozemceva, E.I.* (2014). Rabstvo v srednevekovom Dagestane v kontekste religioznych vozzrenij [Slavery in the medieval Dagestan within the context of religious beliefs]. *Islamovedenie*. № 4. Pp. 43–51. [in Russian]

[Inozemtseva, 2017](#) – *Inozemtseva, E.I.* (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 31–41. DOI: 10.13187/slave.2017.1.31

[Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva, 2005](#) – *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva* [The history of Kabardino-Balkaria in G.A. Kokiev's works]. *Sb. Statej i dokumentov. Vyyavlenie, arheologiya, sostavlenie, vstupitel'nayastat'ya G.H. Mambetova. Nal'chik: «El'-fa»*, 2005. 904 p. [in Russian]

[Iz istorii prava narodov Dagestana, 1968](#) – *Iz istorii i prava narodov Dagestana* [From the history of the Dagestan peoples' law]. *Materialy i dokumenty. Sost. A.S. Omarov. Mahachkala: Dagestanskij filial AN SSSO, 1968*. 238 p. [in Russian]

[Komarov, 1868](#) – *Komarov, A.V.* (1868). Adaty I sudoproizvodstvo po nim [Adats and legal proceedings based on them]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Tiflis, Vyp. I. II. Pp. 1–79. [in Russian]

[Leontovich, 1882–1883](#) – *Leontovich, F.I.* (1882–1883). Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo I Vostochnogo Kavkaza [Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on customary law of the North and the East Caucasus]. *Odessa: Tip. P.A. Zelenogo (b. Ul'riha)*, 1882–1883. Vyp. 1–2. 437 p. [in Russian]

[Lobanov-Rostovskij, 1856](#) – *Lobanov-Rostovskij, M.B.* (1856). Kumyki, ihnrav, obychai i zakony [Kumyks: traditions, customs and laws]. *Kavkaz*. № 37. [in Russian]

[Magomedov, 1957](#) – *Magomedov, R.M.* (1957). Obshchestvenno-ekonomicheskij I politicheskij jstroj Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov. [Socio-economic and political system in Dagestan in the 18th – early 19th c.]. *Mahachkala: Dagknigoizdat*, 408p. [in Russian]

[Magomedov, 1971](#) – *Magomedov, R.M.* (1971). Istoricheskie etyudy [Historical etudes]. *Vyp. II. Mahachkala: Dagknigoizdat, Vyp. 2*. 269 p. [in Russian]

[Magomedeo, 1979](#) – *Magomedov, R.M.* (1979). Po aulam Dagestana: [Vypiski iz polevyh dnevnikov]. [Across the Dagestan auls: [excerpts from the field diary]]. *Mahachkala: Daguchpedgiz, Vyp. 2*. 155 p. [in Russian]

[Mansurov, 1995](#) – *Mansurov, Sh.M.* (1995). Salataviya (Social'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya v konce XVIII – pervojpolovine XIX v.). [Salataviya (Socio-economic and

political history in the end of the 18th – first half of the 19th c.)). Mahachkala: Yupiter, 250 p. [in Russian]

[Osmanov, 1960](#) – *Osmanov, G.G.* (1960). O social'nom stroe Dagestana v konce XVIII – nachale XIX vv. [On the social order of Dagestan in the 18th – early 19th c.]. *Uchenye zapiski IYYAL. (Dalee – UZ IYYAL)*. Mahachkala. T. VIII. Pp. 151-154. [in Russian]

[Pamyatniki obychnogo prava Dagestana...](#), 1965 – Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv.: arhivnye materialy [Monuments of the customary law of the 17th – 19th century Dagestan: archive materials]. M.: Nauka, 1965. 279 p. [in Russian]

[Polevoj material 1978 g. D.M. Magomedova](#) – Polevoj material 1978 g. D.M. Magomedova [D.M. Magomedov's field material of 1978]. Nauchnyj arhiv IIAE DFIC RAN. F. 1. Op. 1. [in Russian]

[Rabstvo v stranah Vostoka v srednieveka](#), 1986 – Rabstvo v stranah Vostoka v srednieveka. [Slavery in the countries of the East in the 18th – 19th c.]. M.: Nauka, Glavnaya redakciya Vostochnoj literatury, 1986. 502 p. [in Russian]

[Ramazanov, 1962](#) – *Ramazanov, H.H.* (1962). K voprosu o rabstve v Dagestane [On the issue of slavery in Dagestan]. *UZ IYYAL*. Mahachkala: Dag. FAN SSSR, 1961. T. IX. Pp. 155–162. [in Russian]

[Ramazanov, 1962](#) – *Ramazanov, H.H.* (1962). Krest'yanskaya reforma v Dagestane [Peasant reform in Dagestan]. *UZ IYYAL*. Mahachkala: Dag. FAN SSSR, T. X. Pp. 5-21. [in Russian]

[Saidov, 1964](#) – *Saidov, I.M.* (1964). Zemledelie i zemlepol'zovanie u chechencev i ingushej v XVIII–XIX vv. [Agriculture and land tenure of the Chechens and Ingush people in the 18th – 19th c.]. *Izvestiya CHINIIYYAL*. Groznyj. T. 4. Vyp. 1. Istoriya. Pp. 163-164. [in Russian]

[Shihaliyev, 1993](#) – *Shihaliyev, D.-M.* (1993). Rasskaz kumyka o kumyках [A story of a Kumyk about Kumyks]. Sost., predisl. i komment. S.Sh. Gadzhievoy. Mahachkala: Dag kn. izd-vo, 140 p. [in Russian]

[Shihsaidov, 1975](#) – *Shihsaidov, A.R.* (1975). Dagestan v X–XIV vv. Opytsocial'no-ekonomicheskoy karakteristiki [Dagestan in the 10th – 14th c. The experience of socio-economic characteristics]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 173 p. [in Russian]

[Tajmaskhanov, 1989](#) – *Tajmaskhanov, T.G.* (1989). Soslovnye terminy v kumykskoj onomastike [Class terminology in the Kumyk onomastics]. *Social'naya terminologiya v yazykah Dagestana* Mahachkala. Pp. 112-128. [in Russian]

[Thamokov, 1961](#) – *Thamokov, N.H.* (1961). Social'no-ekonomicheskij i politicheskij stroj kabardincev v XVIII veke [Socio-economic and political system of the Kabardians in the 18th century]. *Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo*, 202 p. [in Russian]

[Totoev, 1969](#) – *Totoev, F.V.* (1969). Razvitie rabstva i rabotorgovli v Chechne (vtoraya polovina XVIII – 40-egg. XIX v.) [Evolution of slavery and slave trading in Chechnya (2nd half of the 18th – 40s' of the 19th c.)]. *Izvestiya CHINI IYYAL*. T. 8. Vyp. 1. Istoriya. Groznyj. [in Russian]

Особенности социально-правового статуса рабов в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа через призму обычного права и религиозных воззрений

Елена Ивановна Иноземцева ^{a, *}

^a Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть бытование рабства в позднее Средневековье через призму обычного права и основных монотеистических религий, осветить ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение одной из категорий зависимого населения феодального Дагестана и сопредельных владений Северо-Восточного Кавказа, несущей в себе социальное содержание понятия «раб».

Ключевые слова. Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, обычное право – адат, Коран, Ислам, шариат, раб, кул, ясырь, лай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ljuma78@mail.ru (Е.И. Иноземцева)